

STONE SACRAL ARCHITECTURE OF THE LITHUANIAN TATARS AS AN ORGANIC CONSTITUENT OF THE WORLD ISLAMIC CIVILIZATION AND TATAR CULTURE

Svetlana Mikhailovna Chervonnaya,

Nicolaus Copernicus University (Torun, Poland),
ul. Bojarskiego 1, Toruń, 87-100, Polska,
swetlana@umk.pl.

Wooden mosques are the main part of an artistic heritage and an important cluster of contemporary sacral buildings of the Lithuanian Tatars, the ethnic and religious minority living in the lands of modern Lithuania, Poland and Belarus. They have been attracting the attention of researchers for a long time, taking a prominent place in the literature dedicated to the Lithuanian Tatars and in the descriptions and catalogues of the monuments of their culture. However, the facilities of stone mosques in the Eastern European region have been poorly studied. In contrast to mass rural construction, there were certain, sporadic episodes concentrated in the large cities where Muslim communities originated (Minsk, Kaunas, Gdansk and projects of stone mosques for Vilnius and Warsaw). If wooden mosques are the product of folk art (folk architecture and decorative art), the design of stone mosques is the matter of professional architects, coming both from the Lithuanian Tatar environment (S. Krinitsky) and from creative intelligentsia circles (mainly Polish), who are actively involved in solving new problems of the development of modern Islamic religious architecture in the lands where Islam has never been the dominant religion, in European cities and metropolitan areas, which are multinational and multi-confessional in their population. This sacral architecture, whose history began in the 19th century, does not have such old historical traditions as rural wooden religious architecture of the Lithuanian Tatars, and it faces a whole complex of problems related to the assimilation and development of new building technologies, the placement of objects in the urban environment and the formation of the models on the basis of a certain stylistic concept (stylizing or innovative), which confront the architecture of the 20th and 21st centuries. Such creations as the mosque erected in 1930 in Kaunas or the mosque in Gdansk completed by the beginning of the 1990s indicate favorable prospects for the development of the Muslim stone architecture in the East European cultural landscape.

Key words: Islam in Europe, the culture of the Lithuanian Tatars, contemporary Muslim architecture, stone mosques in Poland, Lithuania, Belorussia.

The history of sacral stone architecture – the construction of mosques in Lithuania [1-34] – begins with an episode that is paradoxical and instructive in various aspects. We are talking about the appearance of the mosque in the present park (a former noble estate) of Kedainiai city in 1878. The Lithuanian Tatars did not live there and the mosque was not intended for them – it appeared as a tribute to the “Orientalist fashion” propagated in the palatial and landscape gardening architecture of the Russian Empire, especially in resort areas, particularly on the southern coast of Crimea. It was here that the construction of the spectacular, rolling in wealth, luxurious and romantic dreams of the merchant and aristocratic Russian Black Sea “Riviera” stimulated the stylization of the buildings in the ‘Moorish’ style and all that eclecticism, which eventually led to the emergence of all kinds of ‘swallow's nests’ that are still attractive to the

philistine tastes of many tourists and residents of Crimea. In this case his “Swallow's Nest” was constructed in the estate of the Vilnius Governor-General, the “hero” of the Russo-Turkish War, Count Eduard Tottleben (1818-1884), whom the tsarist government decided to thank for the victory “over the Turks”, transferring the confiscated estate of Marian Czapski (Marijanas Chapskis, 1816-1875), who was exiled to Siberia for the participation in the revolt of 1863, to the ownership of the General. Tottleben led the new construction in grand style, reconstructing the palace, setting up the copies of ancient marble statues in the park and erecting other buildings which had nothing to do with Islamic culture. Among other fantasies he had the idea to build a mosque in the park as a sign of his victory over Mohammed, Sultan of Turkey.

¹ see color insert to the article – *S.Ch.*

The blasphemous task of the construction of a mosque as a sign of victory over the Muslims was not so unexpected in the general context both in the Russian culture (remember the story of Kazan Qol Sharif Mosque which became the architectural model for St. Basil's Cathedral built on Red Square in Moscow), and in the architectural experience of other world empires, developing the idea of a "trophy-mosque", the mosque which could be reminiscent of the defeat of the Muslims, and which was taken from the Islamic world to a different geographical and cultural environment like a beautiful toy, like a rich trophy. This 'white stone' mosque (covering brickwork with plaster) with a high minaret was built as a stylization (in some details – in the form of an iwan, in which a portal was placed, in the composition of the cylindrical minaret and its canopied top, a steeple, in plaster carving forming garlands and arcades around a tracery balcony – it is a literal imitation) of the monuments of the sacred Islamic architecture in Turkey and Crimea, and we can talk about any aesthetic value of the building in so far as the samples themselves had that value, which served as the subject of imitation, reproduction or stylization.

From the end of the 19th century, when the mosque was built, and up to the middle of the 20th century, during the Soviet era, when the mosque was destroyed with only one of the minarets retained, towering alone in the neglected park, public consciousness of the Lithuanian Tatars still did not accept it as the achievement of their own culture, as if repulsing it (it is not accidental that there is no mention of it in the literature emerging at the turn of the 19-20th centuries in the Lithuanian Tatars' research of their own national culture). An Arabic calligraphic inscription on the wall of the minaret, which proudly announced that the construction had been erected to commemorate the victory of the Russian army over the Turkish Sultan could be read and understood by the Muslims knowing Arabic calligraphy, but it could not inspire joy in their souls, and they tried not to notice the monument.

Today the situation has changed. Now in Lithuania the emphasis is on the fact that the Soviet government destroyed the beautiful mosque, and projects for its reconstruction are being suggested. They are consistent with projects of general reconstruction in the park over the Dotnuvele River, the territory which is supposed to be effectively used for recreation, entertainment, sports training and competitions or educational activities. The Lithuanian Tatars, whose cultural heritage suffers from a significant deficit primarily of monuments of stone

religious architecture (they were few in number and destroyed in the Soviet time, as the mosque in Minsk, or they were taken away from Tatars and misused – as the mosque in Kaunas) are ready now to adopt a Kedainiai minaret, which was miraculously preserved on the right bank of the Dotnuvele and has been recently renovated and connected to the island by a new bridge – a favourite place of Kedainiai's residents and tourists. The similarity with the architecture of the Crimea and Turkey is now perceived not within the paradigm of thinking in terms of war trophies, which was characteristic of the ruling elite of the Russian Empire, but as an important sign of the spiritual and cultural affinity of the Lithuanian Tatars with their Crimean Tatar ancestors and Turkish brothers and coreligionists. The current Union of the Tatar communities of Lithuania, the exhibitions or museum galleries which are incomplete without photos of the Kedainiai minaret, is ready to take an active part in the restoration of the entire complex, including both the minaret and the mosque, forming such an unexpected and romantically charming area of Islamic architecture in the heart of Lithuania – in Kedainiai.

But yet the "Kedainiai episode" stands behind the number of those buildings which form more than a century-long history of stone sacral architecture of the Lithuanian Tatars. This historical series includes stone mosques (also the projects relating to the construction of such mosques, competitions both international or conducted in one country) in the big cities – Minsk, Vilnius, Kaunas, Warsaw, Gdansk, and far beyond the residence of the Lithuanian Tatars both to the East (St. Petersburg), and to the West (New York).

The stone mosque in Minsk was built on Bolshaya Tatarskaya Street (now – Masharov Avenue) in 1900-1902. It was almost square in plan and had a central dome on the light tholobate resembling the shape of the domes of Orthodox churches, and a three-tiered minaret tower under the steeple with two outdoor balcony galleries adjacent to the northwest corner of the building. A semicircular mihrab niche crowned with a steeple resembling the crown of the minaret overhung from its south side. Olems with three globular elements crowned the dome, minaret tents and mihrab niches. The walls were plastered in white and golden colours. In the 1930s, the Minsk mosque was closed. It was still functioning in 1941-1949, but after that the Muslim community was subjected to repression, and the mosque building, devoid of the dome and the minaret, was adapted to the needs of the club of

the Voluntary Association for Assistance to the Army. In 1962 the mosque was completely destroyed (the restaurant of the hotel "Jubileinaya" was built in that place). In the 1990s, fund-raising for the mosque restoration began, and it was decided to reproduce the exact form of the mosque in 1949. However, the place for it had to be found far away from where it had once stood. The foundations of the new building were laid in 1997 on Griboyedov Street where there had been a Muslim cemetery until 1963.

Architect and architectural historian Stepan (Styapas, Stefan) Krinitsky (1874-1923) was widely known in Russia. He was a Lithuanian Tatar, and a native of Oshmianny district of Vilnius province. In 1909, together with N.V.Vasilev and A.I. von Gauguin, he created a project according to which the Saint-Petersburg Mosque was built. In 1910 there was a foundation ceremony of its on the site bought by the Muslim community, and in 1913 the grand opening took place. The work on the decoration of the building had been continuing for several years, up to the Revolution of 1917. In Soviet times, the mosque was closed, but religious activities resumed relatively early, in the 1950s. The image of the building was not quite a literal reproduction, but it had to be an emphatic reminder of the Gur-e Amir (Guri Amir) mausoleum in Samarkand (the idea was an original form of gratitude to the Emir of Bukhara Abdulhadi Khan for his involvement in the fate of the construction and the expression of ideas about the spiritual unity of the Muslims of Russia and Central Asia). Expensive materials were used for the decoration of the building – beautiful granite for walls (with a beautiful combination of smooth surface and rough, harsh rustic stone), and sky-blue ceramics for a mosaic covering the central dome and the graceful crowns (small domes on high tholobates) of the minarets. All the beauty of the medieval Central Asian architecture was carefully reproduced there as an art quote included in the stone chronicle of St. Petersburg. The dome of the Mosque repeats the shape and the design of the dome of the Gur-e Amir completely; the portal and window openings of the mosque are decorated with mosaic tiles, forming rich floral patterns, arabesques and calligraphic formulas. The tracery in the windows and at the top of the portal reproduces the characteristic shapes of Central Asian architecture.

Recently, in 2009, Lithuanian researchers discovered and published a preliminary design of the mosque in Vilnius, created by S.S.Krichinskiy in 1910 [35: 15]. Before World War I, the Tatar

community decided to build a stone mosque in the suburbs of Lukishki (now within the city) on the site of an old wooden mosque. So they started to raise funds for that purpose. A magnificent mosque, crowned with a high dome, having a greatly prominent decorative portal and a tall slender minaret with two tracery balconies surrounding it on different levels (styled after the Crimean white stone minarets) was supposed to be the jewel of the city. The war prevented the realization of that project, which was later forgotten, and neither the general public nor the experts knew about the existence of such a project in S.Krichinskiy's works for a long time.

The stone Tatar mosque built in Kaunas in the early 1930s had a happier lot (its grand opening was held on July 15, 1933, on the 523rd anniversary of the Battle of Grunwald in which the Tatars, fighting on the side of Vytautas the Great, became famous). However, in the times of Soviet Lithuania the mosque was closed and the building on Tatar Street was used as a house, a sports club, a warehouse, or a library, but in 1989 it was returned to the Muslim community and after major repairs and restoration it was opened in July 1991, in Lithuania which had already declared its independence.

The history of the construction of the mosque started with the appeal of the Muslim Committee of the Lithuanian Tatars, established in the temporary capital of Lithuania (in 1930 it was headed by Khalil Yanushevskis), to the Lithuanian Government for financial support in the construction of the mosque, dedicated to the memory of Vytautas, the Grand Duke of Lithuania, who played a key role in the appearance of the Tatars in Lithuania (in 1930, the whole country was widely celebrating the 400th anniversary of his death). The President and the Government of Lithuania supported the initiative. A Committee for the construction of the mosque was established, and they started to raise funds among the Tatars. It was not only almost all the Tatars of Lithuania, but also the Lithuanian Tatars from the Vilnius region (which was part of Poland at that time) and the Lithuanian Tatar emigrants living in the United States. Thus, about 10 thousand litas were raised, and the Government of Lithuania initially added 40 thousand litas from the country budget, and later another 25 thousand litas were donated [36: 95].

The author of the mosque project was a famous Lithuanian architect of Polish origin Vaclav Mikhnevich (1862-1947), who had gained much experience in the construction of Catholic churches by that time (more than thirty of his original pro-

jects were implemented in the Vilnius region before World War I), but he had never designed a mosque. As he had a good knowledge of both the history of world architecture and contemporary trends, he successfully united the strict neoclassical grandeur which prevailed in the Lithuanian architecture of the 1920s, the spirit of constructivism which attracted the architects at the turn of the decades, and some moments of stylization in the "oriental style", associated with the romanticism of "Orientalism", which determined the style of many mosques built in the Russian Empire in the early 20th century (in St.Petersburg, Vladikavkaz and Crimea). That romanticism was becoming obsolete at the end of the 1920s, but kept within limits, it could give the architectural design its own slightly belated charm.

The project was approved without any objection on the part of the Tatars, and in 1931 the foundations were laid. The material was cement slabs that were cast on-site in Kaunas. The proportions of the mosque were large enough to meet the needs of Muslims – not only the citizens, but also the guests of the Lithuanian capital (90 square meters – exactly half of the internal area of the prayer hall at 45 square meters – was assigned to the maafil-balcony designed for women). At the same time, in the whole of the external image of the mosque and its interior there was a modesty and simplicity which came naturally to stone architecture from the wooden sacred architecture of the Lithuanian Tatars. A rational economy was felt in the plan and purpose of various rooms (including the changing of clothes, taking off shoes in a small hall, ablution, the ritual of farewell to the dead, back rooms, stairs connecting the balcony and the minaret with the ground floor). There was nothing superfluous, perhaps there was not even enough space, without which it is difficult to imagine a modern Islamic centre in a big city (the rooms intended for libraries, schools, meetings, etc.); it can be said, that both the minimum without which there could not be a mosque, and the maximum which a small Tatar community in Lithuania could afford, were joined in that building.

As it was constructed in the age of progress of Lithuanian architecture, when constructivist innovations and neoclassical and other styles were successfully combined at the turn of the 1920-1930s, that building was notable for its "oriental" flavour, the origins of which went back directly to the Mamluk architecture of the 13th-14th centuries. Its high golden dome is supported by four smaller domes at the corners. The minaret, the silhouette of

which resembles a minaret of the Qaitbay mosque in Cairo, has a three-tiered construction: two lighter octagons on the lower quadrangle, whose height reaches the cornice of the mosque. The upper tier is surrounded with an open gallery. The white plaster of the exterior walls beautifully matches the details of pink, terracotta tones – the castellation, which ranks are stretched over the cornice, with a decorative belt over the lancet windows (plaster carving). The portal and the mihrab are decorated with small external ledges which are rectangular in plan and located on the same axis which determines the direction according to qiblah. The aesthetic expressiveness of Kaunas mosque is greatly facilitated by the 'green' natural environment in which it is located (now in the park adjacent to Vytautas Avenue).

The light that fills the interior of Kaunas mosque takes the shape of cross-flows pouring from the top – from the sixteen windows of the round tholobate of the dome and from the high side lancet windows decorated with coloured ornamental stained glass. A rich collection of prayer rugs in Kaunas mosque is formed both from imported goods and the works of modern embroidery masters. Architectural and landscape motifs prevail in the patterns of these prayer rugs, they present a generalized image of the "Muslim city", a beautiful mosque crowned with a golden dome which does not always correspond to any particular monument of world architecture, but rather embodies the idea of the perfection of the world created by Allah, which is extremely important in the spiritual organization of space where a collective prayer is committed.

Regardless of where they live, the Lithuanian Tatars appreciate Kaunas mosque as a common cultural treasure of their people and never forget about the role of Lithuania both in the construction of this monument in the 1930s, and in its revival in the early 1990s. This recognition was formulated on the pages of the magazine "Rocznik Tatarow Polskich" published in Gdansk: "... This wonderful modern Muslim mosque is a magnificent gift of Lithuania to the Tatars for their loyalty to the new homeland (*Był to piękny, nowoczesny muzułmański meczet, wspinały dar państwa polskiego dla Tatarów za ich wierność nowej ojczyzny*)" [36: 95].

The project of the construction of a stone mosque in Warsaw dates back to 1935. Its authors – Stanisław Kolendo and Tadeusz Mazak – took the first prize in the competition for the best project of the Tatar mosque for the capital, which was held in Poland. The construction of the cubic form

under the high dome was supposed to be built on a strong podium with four minarets on its corners, going back to the traditions of the classical Ottoman architecture. The work was interrupted by the outbreak of World War II and after it had ended the construction was not renewed.

Although the building of the mosque in Warsaw had failed, the project of the stone mosque construction (the author – Marjan Vshelyaki) in the other major Polish city – Gdansk – was successfully implemented with the financial assistance of foreign Islamic funds in 1984-1990s. Its oval prayer hall covered with a dome is richly decorated with works of decorative art which were mostly imported from Turkey – ceramic tiles with calligraphic texts, glazed tughras and shamails, carpets, chiseled wood (benches, minbar). The external expression of the mosque is defined by a tall slender single-body minaret under a tented top. Its position in space in the midst of pine trees and its correlation with the cubic volume of the building, which is more than twice lower than the minaret, emphasize the overall dynamics and freedom of the asymmetric architectural composition. The entire complex is beautifully “wrapped” in a stone wall of wavy shapes: each span of the fence is formed by a deep semi-circular cut of it in the wall, the bowl of which is filled with vertical pickets of metal grating (the author of the project is Marjan Moorman). Since its inception, the mosque has become an important element forming the panorama of Oliwa which is one of the central parts of the multi-part urban system Gdansk-Gdynia-Sopot on the Baltic coast.

This was the first mosque to be built all over again after a long break in the lands of residence of the Lipka Tatars (the Muslim community in Gdansk has about 300 people). The mosque is named after Jamal al-Din al-Afghani – the creator of the ideology of pan-Islamism and a supporter of the convergence of the Islamic world and Western civilization. The mosque is used not only for religious purposes: the Arabic language, the history of Islam and Islamic art are taught there, and also lectures on Polish history and culture are given there for Muslim foreigners.

In conclusion, we can say that rural and urban, wooden and stone Islamic architecture of the Lithuanian Tatars is an organic part of world Islamic civilization and Tatar culture, having its own unique features in different regions and national schools, and at the same time, with some obvious signs of resemblance, affinity and spiritual community of these quite distinct national schools

formed in the creative direction of various ethnical groups – the Volga, Siberian, Crimean and Lithuanian Tatars. The Lithuanian Tatars, regardless of their nationality and the state borders cutting the cultural space of their common homeland, act as a single creative subject – the creator and the medium of artistic culture, the important guidelines and components of which are Islamic spirituality and belonging to the Turkic-Tatar world. The old and the new mosques of the Lithuanian Tatars have become a part of the cultural landscape of the Eastern European region (a former wide range of the Grand Duchy of Lithuania), which is the western-most outpost of Islam – the impulses coming from the historical heritage of the Golden Horde – in Europe.

References

1. *Cantacuzino Sh.*. Architecture in Continuity: Building in the Islamic World Today, New York 1985. 191 p. (in English).
2. *Serageldin I., Steele J.* Architecture of Contemporary Mosque, London 1996. 177 p. (in English).
3. *Michell G.* Architecture of the Islam World. Its History and Social Meanings, London 1984. 288 p. (in English).
4. *Baraškauskaitė T.* Lietuvių totoriai XIX amžiuje. Vilnius, 1996. 331 s. (in Lithuanian).
5. *Bloom J. M.* The Minaret, Edinburgh Studies in Islamic Art. Edinburgh, 2013. 392 p. (in English).
6. *Bohdanowicz T., Chazbijewicz S., Tyszkiewicz J.* Tatarzy muzułmanie w Polsce. Gdańsk, 1997. 105 p. (in Polish).
7. *Borawski P., Dubiński J.* Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa, 1986. 270 s. (in Polish).
8. *Lawrence I. Conrad.* Der Islam in der Gegenwart. Herausgegeben von Werner Ende und Udo Steinbach unter redaktioneller Mitarbeit von Renate Laut. Fünfte, aktualisierte und erweiterte Auflage. München, Verlag C.H. Beck, 2005. 1064 p. (in German).
9. *Frishman M., Hasan-Uddin Khan, Klaus Binder; Jeremy Gaines.* Die Moscheen der Welt. Frankfurt-am-Main, New York, 1995. 288p. (in German).
10. *Drozd Andrzej, Dziekan Marek M., Majda Tadeusz.* Meczety i cmentarze Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Tom II. Warszawa, Res Publica Multiethnica, 1999. 100 p. (in Polish).
11. *Garaudy R.* Mosquée, miroir de l'Islam, Paris 1985. 359 p. (in French).
12. *Hillenbrand R.* Islamic Architecture. Form, Function and Meaning. Edinburgh, 1994. 645 p. (in English).
13. *Holod Renata, Khan Hasan Uddin, Kimberly Mims.* The Mosque and the Modern World. Architects, Patrons and Designs since the 1950s. London 1997. 288 p. (in English).

14. *Jakubauskas A., Sitykov G., Dumin S.* Lietuvos totoriai istorijoje ir kultūroje. Kaunas, Lietuwos totorių bendruomenių sąjunga, 2009. 307 s. (in Lithuanian).
15. *Kołodziejczyk A.* Rozprawy i studia z dziejów Tatarów litewsko-polskich i islamu w Polsce w XVII–XX w. Siedlce, 1997. (in Polish).
16. *Konopacki I.* Tatarzy na Białorusi // "Rocznik Tatarów Polskich", Tom IV. Gdańsk 1997. S. 187–193. (in Polish).
17. *Kryczyński L.* Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // "Rocznik Tatarski", 1935, Tom II. S. 57–113. (in Polish).
18. *Kryczyński L.* Historia meczetu w Wilnie. Próba monografii. Warszawa, 1937. (in Polish).
19. *Kričinskis S.* Lietuvių totoriai. Istorinės ir etnografinės monografijos bandymas. Vilnius, Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 279 p. (in Lithuanian).
20. *Kulwicka-Kamińska J., Kamiński I.* Islam po polsku. Poznań 2007. 176 p. (in Polish).
21. *Kühnel E.* Die Moschee. Bedeutung, Einrichtung und kunsthistorische Entwicklung der islamischen Kultstätte. Berlin, 1979. 59 p. (in German).
22. *Makaveckas R.* Meczet w Kownie. Zarys historyczny // "Rocznik Tatarów Polskich" Tom VII (2001). S. 91–98. (in Polish).
23. *Miśkiewicz A.* Tatarzy na ziemiach zachodnich Polski w latach 1945–2005. Gorzów Wielkopolski, 2009. 216 s. (in Polish).
24. *Miśkiewicz A.* Tatarska legenda. Tatarzy polscy 1945 – 1990. Białystok, Krajowa Agencja Wydawnicza, 1993. 132 s. (in Polish).
25. *Norrys H.* Islam in the Baltic. Europe's Early Muslim Community. London – New York, Tauris Academic Studies, 2009. 240 p. (in English).
26. *Richardson Ph.* Neue sakrale Architektur. Kirchen und Synagogen, Tempel und Moscheen, München 2004. 224 p. (in German).
27. *Scharabi M.* Islamische Architektur und darstellende Kunst der Gegenwart // Der Islam in der Gegenwart, München 2005. S. 837–857. (in German).
28. *Sobczak J.* Położenie prawne tatarskich wyznawców islamu w II Rzeczypospolitej // Przegląd historyczny, 1988, Tom 79, № 3. S. 501–520. (in Polish).
29. *Tyszkiewicz J.* Tatarzy w Polsce i Europie. Fragmenty dziejów. Pułtusk, Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora, 2008. 264 s. (in Polish).
30. *Dumin S.V., Kanapatski I.B.* Beloruskiya tatory. Minulae i suchasnasts'. Minsk, 1993. 204 s. (in Belorussian).
31. *Pershaya mizhnarodnaya navukova-praktichnaya kanferentsyya „Tatory-musul'mane na zemlyakh Belarusi, Litvy i Pol'shchy”.* Ch. 1–2. Mensk, 1994. 191 s. (in Belorussian).
32. *Chervonnaya S.M.* Novye mecheti rossiyskikh musul'man // Sobranie (Moskva, Illyustrirovanny zhurnal po iskusstvu), 2005, № 1. S. 74 – 81. (in Russian).
33. *Chervonnaya S.M.* Pol'sko-litovskie tatory – zapadnyy forpost islama v Evrope // „Vestnik Moskovskogo Islamskogo Universiteta”, 2010, № 2. S. 93–117. (in Russian).
34. *Shukurov Sh.M.* Arkhitektura sovremennoy mecheti [Arkhitektura sovremennoj meczeti], Moskwa 2014. 232 s. (in Russian).
35. *Yakubauskas A.* Obnaruzhen eskiz proekta Vil'nyusskoy mecheti // Lietuvos totoriaj, Kaunas, 2009, № 1–3. S. 15. (in Russian).
36. *Romualdas M.* Meczet w Kownie. Zarys historyczny // Rocznik Tatarów Polskich, Tom VII (2001). C. 93. (in Polish).

List of illustrations

21. The mosque in the city of Kaunas.
22. The carpet in the mosque in Kaunas.
23. The mosque in the city of Gdansk.
24. The minaret of the mosque in Gdansk.
25. The view of the mosque in Minsk.
26. The view of the mosque in Minsk.

КАМЕННОЕ САКРАЛЬНОЕ ЗОДЧЕСТВО ЛИТОВСКИХ ТАТАР КАК ОРГАНИЧНАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МИРОВОЙ ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Светлана Михайловна Червонная,
университет имени Николая Коперника (Торунь, Польша),
Polska 87-100, Toruń, ul. Bojarskiego 1,
swetlana@umk.pl.

Если деревянные мечети литовских татар, которые составляют основной пласт художественного наследия и важнейший корпус современной сакральной архитектуры этого этнического и религиозного меньшинства, проживающего на землях современной Литвы, Польши и Белоруссии, давно привлекали к себе внимание исследователей и заняли видное место в лите-

ратуре, посвященной литовским татарам, в описаниях и каталогах памятников их культуры, то сооружение каменных мечетей в данном восточно-европейском регионе изучено сравнительно слабо¹. В отличие от массового сельского строительства, оно сводится к отдельным, эпизодическим эпизодам и концентрируется в крупных городах, в которых возникают мусульманские общины (Минск, Каунас, Гданьск, проекты каменных мечетей для Вильнюса и Варшавы). Если деревянные мечети являются продуктом народного творчества (народного зодчества и декоративного искусства), то проектирование каменных мечетей становится делом профессиональных архитекторов, которые выдвигаются как из среды литовских татар (С.Криницкий), так из кругов творческой интеллигенции (главным образом, польской), которая активно включается в решение новых задач развития современного исламского культового зодчества на землях, где ислам никогда не был господствующей религией, в европейских городах и мегаполисах, многонациональных и многоконфессиональных по составу населения. Эта сакральная архитектура, история которой начинается в XIX веке, не имеет таких давних исторических традиций, как сельское деревянное культовое зодчество литовских татар, и сталкивается со всем комплексом проблем, касающихся освоения новых строительных технологий, размещения объектов в урбанистической среде, формирования моделей на основе определенной стилистической концепции (стилизированной или новаторской), какие встают перед архитектурой XX и XXI века. Такие произведения, как сооруженная в 1930-е годы мечеть в Каунасе или завершенная к началу 1990-х годов мечеть в Гданьске, свидетельствуют о благоприятных перспективах развития мусульманского каменного зодчества в восточно-европейском культурном ландшафте.

Ключевые слова: ислам в Европе, культура литовских татар, современное мусульманское зодчество, каменные мечети в Польше, Литве, Белоруссии.

История каменного сакрального зодчества – возведения мечетей в Литве [1-34] – начинается с эпизода, во многих отношениях парадоксального и поучительного. Речь идет о появлении в 1878 году мечети в нынешнем парке (бывшей дворянской усадьбе) города Кедайняй. Литовские татары там не жили, мечеть для них не предназначалась, появилась она как дань «ориенталистской моде», распространявшейся в дворцовой, парковой архитектуре Российской империи, особенно в курортной зоне, в частности на южном берегу Крыма, где строительство пышной, утопающей в богатстве, роскоши и романтических грезах аристократическо-купеческой русской черноморской «Ривьеры» стимулировало стилизацию сооружений в «мавританском» духе и всю ту эклектику, которая в итоге привела к появлению всякого рода «ласточкиных гнезд», до сих пор любезных мещанскому вкусу многих туристов и жителей Крыма. В данном случае свое «ласточкино гнездо» сооружалось в усадьбе вильнюсского генерал-губернатора, «героя» русско-турецкой войны, графа Эдуарда Тотлебена (1818–1884), которого царская власть решила отблагодарить за победы «над турками», передав в собственность генерала кедайняйское конфискованное имение Марьяна Чапского (Марийонаса Чапскиса, 1816-1875), сосланного за участие в восстании 1863 года в Сибирь. Тотлебен вел новое строи-

тельство на широкую ногу, перестраивая дворец, устанавливая в парке копии античных мраморных изваяний и возводя иные сооружения, с исламской культурой не имеющие ничего общего. Среди других фантазий ему пришла в голову мысль построить в парке мечеть в знак одержанной им победы над турецким султаном Мухаммедом. Кошунственная сама по себе задача сооружения мечети в знак победы над мусульманами не была столь уж неожиданной в общем контексте и российской культуры (вспомним историю казанской мечети Кул-Шариф, ставшей архитектурным образцом для собора Василия Блаженного, построенного на Красной площади в Москве), и архитектурного опыта других мировых империй, осваивавшего идею «мечети-трофея», мечети, напоминающей о поражении мусульман, перенесенной из исламского мира в иную географическую и культурную среду как красивая игрушка, как богатый трофей. Эта «белокаменная» мечеть (прикрывающая штукатуркой кирпичную кладку) с одним высоким минаретом была построена как стилизация (в некоторых деталях – в форме айвана, в котором размещался портал, в композиции цилиндрического минарета и его шатрового завершения, шпиля, в резьбе по штукатурке, образующей гирлянды и аркады вокруг круглого балкона-шефре, – буквальная имитация)

¹ См. иллюстрации к статье на цветной вклейке – С. 4.

памятников сакральной исламской архитектуры Турции и Крыма, и если можно вести речь о какой-либо эстетической ценности этого сооружения, то лишь в той мере, в какой обладали такой ценностью сами образцы, служившие предметом имитации, репродукции, стилизации.

Общественное сознание литовских татар на всем протяжении с конца XIX века, когда эту мечеть построили, до середины XX века, когда, уже при советской власти, эту мечеть разрушили, оставив от нее один минарет, одиноко возвышающийся в запущенном парке, не принимало ее в качестве достояния своей культуры, как бы отталкивало ее (неслучайно отсутствие каких-либо упоминаний о ней в литературе, формирующейся на рубеже XIX-XX веков как исследования самих литовских татар их собственной национальной культуры). Арабская каллиграфическая надпись на стене минарета, горделиво сообщавшая о том, что сооружение возведено в честь победы российского оружия над турецким султаном, которую могли прочесть и понять владеющие арабской каллиграфией мусульмане, никак не могла вселить радости в их души, и они старались не замечать этот памятник.

Ситуация изменилась в наше время. Теперь в Литве делается акцент на том, что советская власть разрушила красивую мечеть, и выдвигаются проекты ее реконструкции. Они согласуются с проектами общей реконструкции парка над речкой Дотнувеле, территорию которого предполагается эффективно использовать для отдыха, развлечений, спортивных тренировок и состязаний, просветительских мероприятий. Литовские татары, в культурном наследии которых ощутим значительный дефицит прежде всего памятников каменного культового зодчества (они были немногочисленны, а в годы советской власти разрушались, как, например, мечеть в Минске, или отнимались у татар, использовались не по назначению – как мечеть в Каунасе), готовы сегодня принять на свое духовное вооружение чудом сохранившийся на правом берегу Дотнувеле кедайняйский минарет, ныне отреставрированный и соединенный новым мостом с островом – любимым местом отдыха жителей Кедайняй и туристов. Сходство с архитектурой Крыма и Турции воспринимается теперь не в той парадигме мышления категориями военных трофеев, которое было свойственно правящей верхушке Российской империи, а как важный знак духовной и культурной близости

литовских татар с их крымскотатарскими предками и турецкими братьями, единоверцами, и нынешний Союз общин татар Литвы, ни одна выставка или музейная галерея которого не обходится без демонстрации фотографий кедайняйского минарета, готов принять самое активное участие в восстановлении всего комплекса, включающего и минарет, и мечеть, образующего такой неожиданный и не лишенный романтического шарма уголок исламской архитектуры в самом центре Литвы – в Кедайняй.

И все же «кедайняйский эпизод» находится пока за скобками того ряда сооружений, какие формируют уже более чем вековую историю каменного сакрального зодчества литовских татар. В этот исторический ряд входят каменные мечети (и проекты сооружения таких мечетей, международные или проведенные в одной стране конкурсы) в больших городах – Минске, Вильнюсе, Каунасе, Варшаве, Гданьске, а также далеко за пределами проживания литовских татар и на восток (Санкт-Петербург), и на запад (Нью-Йорк).

В Минске каменная мечеть была построена на Большой Татарской улице (ныне проспект Машерова) в 1900-1902 годах. Почти квадратная в плане, она имела центральный купол на световом барабане, напоминающий своими очертаниями купола православных храмов, и примыкающую к северо-западному углу здания трехъярусную минаретную башню под шпилем с двумя открытыми балконными галереями. С южной стороны выступала полукруглая михрабная ниша, завершенная шпилем, перекликающимся с завершением минарета. Олемы с тремя шаровидными перехватами завершали купол, шатры минарета и михрабной ниши. Стены были оштукатурены в белый и золотистый тона. В 1930-х годах минскую мечеть закрыли. Недолгое время она еще функционировала в 1941-1949 годах, после чего мусульманская община подверглась репрессиям, здание мечети, лишенное купола и минарета, было приспособлено под нужды клуба ДОСААФ, а в 1962 году окончательно разрушено (на ее месте был построен ресторан гостиницы «Юбилейная»). В 1990-х годах начался сбор средств для восстановления мечети, было решено точно воспроизвести тот вид, какой она имела к 1949 году, однако место сооружения пришлось искать вдали от того, где она раньше стояла. Новое здание было заложено в 1997 году на улице Грибоедова – там, где до 1963 года находилось мусульманское кладбище.

Литовским татарин, уроженцем Ошмянского уезда Виленской губернии, был получивший широкую известность в России зодчий и историк архитектуры Степан (Стяпас, Стефан) Криницкий (1874-1923). В 1909 году совместно с Н.В.Васильевым и А.И. фон Гогеном он создал проект, по которому была построена Соборная мечеть в Санкт-Петербурге. В 1910 году состоялась ее торжественная закладка на участке, приобретенном мусульманской общиной, а в 1913 году – торжественное открытие. Работы по внутренней отделке здания продолжались еще несколько лет, вплоть до революции 1917 года. При советской власти эта мечеть была закрыта, однако культовая деятельность возобновилась здесь сравнительно рано, уже в 1950-х годах. Облик здания должен был если не буквально воспроизводить, то выразительно напоминать мавзолей Гур-и Мир (Гур-Эмир) в Самарканде (идея была своеобразной формой благодарности бухарскому эмиру Абдулладхану за его участие в судьбе сооружения и выражением представлений о духовном единстве мусульман России и Средней Азии). Для отделки здания были использованы дорогие материалы – прекрасный гранит для облицовки стен (при живописном сочетании гладкой поверхности и грубого, сурового руста), лазурная керамика для мозаичного покрытия центрального купола и изящных завершений (небольшие купола на высоких барабанах) минаретов. Вся красота средневековой среднеазиатской архитектуры была тщательно воспроизведена здесь, как художественная цитата, включенная в каменную летопись Петербурга. Купол Соборной мечети полностью повторяет форму и конструкцию купола мавзолея Гур-Эмир; портал и оконные проемы мечети украшены мозаичной плиткой, образующей богатые растительные узоры, каллиграфические формулы и арабески. Ажурные решетки в окнах и в верхней части портала воспроизводят характерные формы среднеазиатской архитектуры.

Сравнительно недавно, в 2009 году, литовскими исследователями был обнаружен и опубликован созданный С.С.Кричинским в 1910 году эскизный проект мечети в Вильнюсе [35: 15]. Там перед Первой мировой войной татарская община решила построить каменную мечеть в предместье Лукишки (ныне в черте города) на месте старой деревянной мечети. Для этой цели был начат сбор народных средств. Великолепная мечеть, увенчанная высоким куполом, имеющая сильно выступающий декора-

тивный портал и высокий стройный минарет с двумя обнимающими его на разных уровнях балконами-шефре (в стилистике крымских белокаменных минаретов) должна была стать украшением города. Война помешала реализации этого проекта, о котором потом забыли, и долгое время о существовании такого проекта в творчестве С.Кричинского ни широкая общественность, ни специалисты не знали.

Более счастливо сложилась судьба каменной татарской мечети, построенной в Каунасе в начале 1930-х годов (ее торжественное открытие состоялось в 15 июля 1933 года в 523-ю годовщину битвы под Грюнвальдом, в которой прославились сражавшиеся на стороне Витаутаса Великого татары). Правда, в Советской Литве мечеть закрыли и использовали это здание на Татарской улице как жилой дом, спортивный клуб, склад, библиотеку, но уже в 1989 году ее вернули мусульманской общине и после капитального ремонта и реставрации открыли в июле 1991 года, в уже провозгласившей свою независимость Литве.

История сооружения этой мечети начинается с обращения Мусульманского комитета литовских татар, созданного во временной столице Литвы (в 1930 году его возглавил Халил Янушевскис), к литовскому правительству с просьбой о материальной поддержке в сооружении мечети, которая посвящалась памяти Великого Князя Литовского Витаутаса, сыгравшего ключевую роль в появлении татар в Литве (в 1930 году вся страна широко отмечала 500-летие со дня его гибели). Президент и правительство Литвы поддержали эту инициативу. Был создан Комитет по строительству мечети, начался широкий сбор народных средств среди татар, причем участвовало в этом не только практически все татарское население Литвы, но также литовские татары Вильнюсского края (входившего тогда в состав Польши) и литовские татары-эмигранты, проживавшие в США. Таким образом, было собрано около 10 тысяч литов, к которым правительство Литвы добавило из бюджета страны сначала 40 тысяч литов, а позднее еще 25 тысяч литов [36: 95].

Автором проекта мечети стал известный литовский архитектор польского происхождения Вацлав Михневич (1862-1947), который к тому времени имел большой опыт в сооружении католических костелов (более тридцати его оригинальных проектов были осуществлены в Вильнюсском крае еще до Первой мировой войны), но никогда не сталкивался с задачей

создания мечети. Хорошо ориентируясь в истории мировой архитектуры и тонко чувствуя пульс современности, он удачно соединил в своем проекте строгое величие неоклассицизма, господствовавшего в литовской архитектуре 1920-х годов, дух конструктивизма, увлекавшего зодчих на переломе десятилетий, и некоторые моменты стилизации в «восточном стиле», связанные с той романтикой «ориентализма», которая определяла стиль многих строившихся в Российской империи в начале XX века мечетей (в Петербурге, во Владикавказе, в Крыму) и к концу 1920-х годов уже несомненно себя изживала, но при соблюдении такта и меры еще могла придать архитектурному проекту свое, чуть запоздалое очарование.

Проект был одобрен без возражений со стороны татар, и в 1931 году в строительство был заложен первый камень. Материалом сооружения служили цементные плиты, которые отливались на месте, в Каунасе. Размеры мечети были достаточно велики для того, чтобы удовлетворить нужды мусульман – не только жителей, но и гостей литовской столицы (90 квадратных метров – внутренняя площадь молельного зала, ровно половина – 45 квадратных метров – была отведена для балкона-маафиля, предназначенного для женщин). Вместе с тем во всем внешнем облике мечети и в ее интерьере была та скромность, простота, непритязательность, которая органично перешла в каменное зодчество из деревянной сакральной архитектуры литовских татар. В планировке, предназначении различных помещений (в том числе для переодевания, снятия обуви в небольшой прихожей, для омовений, для ритуального прощания с мертвыми, для подсобных хозяйственных целей, для лестницы, соединявшей балкон и минарет с нижним этажом) ощущалась рациональность и экономность. Здесь не было ничего лишнего, может быть, даже не хватало помещений, без которых трудно представить себе современный исламский центр в большом городе (предназначенных для библиотеки, школы, для собраний и т.п.); можно сказать, и минимум того, без чего мечеть существовать не может, и максимум того, что могла позволить себе небольшая татарская община в Литве, соединились в данном сооружении.

Это здание, построенное в счастливую эпоху расцвета литовской архитектуры, успешно соединившей на рубеже 1920-1930-х годов конструктивистские новации с неоклассическими и

иными стилизациями, выделялось своим «восточным» колоритом, истоки которого непосредственно восходили к мамлюкской архитектуре XIII-XIV веков. Ее высокий золотистый купол поддержан четырьмя малыми куполами по углам. Минарет, напоминающий своим силуэтом минарет мечети Каит-Бей в Каире, имеет трехъярусную конструкцию: два более легких восьмерика на нижнем четверике, высота которого доходит до карниза мечети. Верхний ярус окружен открытой галереей. Белая штукатурка наружных стен красиво сочетается с деталями розовых, терракотовых тонов – зубцами, ряды которых протянуты над карнизом, с декоративным поясом над стрельчатыми окнами (резьба по штукатурке). Портал и михраб оформлены небольшими наружными выступами, прямоугольными в плане, находящимися на одной оси, определяющей направление по кибле. Эстетической выразительности каунасской мечети в значительной мере способствует то «зеленое» природное окружение, в котором она находится (ныне в парке, примыкающем к проспекту Витаутаса).

Свет, наполняющий интерьер каунасской мечети, формируется перекрестными потоками, льющимися сверху – из шестнадцати окон круглого барабана купола – и из боковых высоких окон стрельчатых очертаний, украшенных цветными орнаментальными витражами. Богатая коллекция ковриков-намазлыков в каунасской мечети сформирована из привозных изделий, а также из работ современных мастериц художественной вышивки. В узорах намазлыков преобладают архитектурно-пейзажные мотивы, в которых получает развитие обобщенный образ «мусульманского города», прекрасной, увенчанной золотым куполом мечети, не всегда соответствующий какому-либо конкретному памятнику мировой архитектуры, скорее олицетворяющий идею совершенства созданного Аллахом мира, чрезвычайно важную в духовной организации пространства, в котором совершается коллективная молитва.

Литовские татары, независимо от места их проживания, высоко ценят Каунасскую мечеть как общее культурное сокровище своего народа и никогда не забывают при этом о роли литовского государства и в возведении в 1930-х годах, и в возрождении в начале 1990-х годов этого памятника. На страницах издаваемого в Гданьске журнала «Рочник татарув польских» такое признание сформулировано в словах: «... Это прекрасная современная мусульманская

мечеть – роскошный подарок литовского государства татарам за их верность новой отчизне (Był to piękny, nowoczesny muzułmański meczet, wspaniały dar państwa litewskiego dla Tatarów za ich wierność nowej ojczyzny)» [36: 95].

К 1935 году относится проект сооружения каменной мечети в Варшаве. Его авторы – Станислав Колендо и Тадеуш Мазак – получили первую премию на конкурсе, который был проведен в Польше на лучший проект татарской мечети для столицы. Сооружение кубической формы под высокими куполом предполагалось возвести на мощном стилобате с четырьмя минаретами по его углам, восходящими к традициям османской классической архитектуры. Работы были прерваны с началом Второй мировой войны и после ее окончания уже не возобновлялись.

Если в Варшаве мечеть построить не удалось, то в другом крупном польском городе – Гданьске – проект сооружения каменной мечети (автор – Марьян Вшеляки) был успешно реализован, при финансовой помощи зарубежных исламских фондов, в 1984-1990 годах. Ее овальный молельный зал, перекрытый куполом, богато украшен произведениями декоративного искусства, в основном, импортированными из Турции, – керамическими плитками с каллиграфическими текстами, застекленными туграми и шамаилами, коврами, изделиями из точеного дерева (лавки, минбар). Внешнюю выразительность мечети определяет высокий стройный одноствольный минарет под шатровым завершением. Его положение в пространстве, в окружении сосен, его соотношение с кубическим объемом здания, которое он более чем в два раза превосходит по высоте, подчеркивают общую динамику и свободу асимметричной архитектурной композиции. Весь комплекс прекрасно «завернут» в каменную ограду волнообразных очертаний: каждый пролет ограды формируется глубоким полукруглым вырезом ее в стене, чаша которого заполнена вертикальным частоколом металлической решетки (автор проекта Марьян Мурман). С момента своего появления мечеть стала важным элементом, формирующим панораму района Оливия, который является одним из центральных звеньев многочастной урбанистической системы Гданьск-Гдыня-Сопот на балтийском побережье.

Это первая мечеть, построенная заново после длительного перерыва на землях проживания польско-литовских татар (мусульманская

община в Гданьске объединяет около 300 человек). Мечеть носит имя Джемаль-ал-дина Аль-Афгани – создателя идеологии панисламизма и сторонника конвергенции исламского мира и западной цивилизации. Мечеть используется не только для культовых целей: там ведется преподавание арабского языка, истории ислама и истории исламского искусства, а для мусульман-иностранцев читаются лекции по польской истории и культуре.

Подводя итог, мы можем сказать, что сельское и городское, деревянное и каменное са크ральное зодчество литовских татар является органичной составной частью мировой исламской цивилизации и татарской культуры, имеющей в разных регионах и национальных школах свои неповторимые особенности и вместе с тем очевидные признаки близости, родственности, духовной общности этих вполне самостоятельных национальных школ, сформировавшихся в творческом русле разных этнических групп – поволжских, сибирских, крымских, литовских татар. При этом литовские татары, независимо от их гражданства и государственных границ, разрезавших культурное пространство их общей родины, выступают как единый творческий субъект – творец и носитель художественной культуры, важнейшими ориентирами и составляющими которой являются исламская духовность и принадлежность к тюрко-татарскому миру. Старые и новые мечети литовских татар прочно вошли в культурный ландшафт того восточно-европейского края (бывшего широкого ареала Великого Княжества Литовского), который является крайним западным форпостом ислама – импульсов, идущих от исторического наследия Золотой орды, – в Европе.

Литература

1. *Barašauskaitė T.* Lietuvių totoriai XIX amžiuje. Vilnius, 1996. 331 s.
2. *Bloom J. M.* The Minaret, Edinburgh Studies in Islamic Art. Edinburgh, 2013. 392 p.
3. *Bohdanowicz T., Chazbijewicz S., Tyszkiewicz J.* Tatarzy muzułmanie w Polsce. Gdańsk, 1997. 105 p.
4. *Borawski P., Dubiński J.* Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa, 1986. 270 s.
5. *Cantacuzino Sh.* Architecture in Continuity: Building in the Islamic World Today, New York 1985. 191 p.
6. *Der Islam in der Gegenwart.* Herausgegeben von Werner Ende und Udo Steinbach unter redaktioneller Mitarbeit von Renate Laut. Fünfte, aktualisierte

- und erweiterte Auflage. München, Verlag C.H. Beck, 2005. 1064 p.
7. *Drozd Andrzej, Dziekan Marek M., Majda Tadeusz.* Meczety i cmentarze Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Tom II. Warszawa, Res Publica Multiethnica, 1999. 100 p.
 8. *Frishman M., Hasan-Uddin Khan, Klaus Binder; Jeremy Gaines.* Die Moscheen der Welt. Frankfurt-am-Main, New York, 1995. 288p.
 9. *Garaudy R.* Mosquée, miroir de l'Islam, Paris 1985. 359 p.
 10. *Hillenbrand R.* Islamic Architecture. Form, Function and Meaning. Edinburgh, 1994. 645 p.
 11. *Holod Renata, Khan Hasan Uddin, Kimberly Mims.* The Mosque and the Modern World. Architects, Patrons and Designs since the 1950s. London 1997. 288 p.
 12. *Jakubauskas A., Sitdykov G., Dumin S.* Lietuvos totoriai istorijoje ir kultūroje. Kaunas, Lietuvos totorių bendruomenių sąjunga, 2009. 307 s.
 13. *Kołodziejczyk A.* Rozprawy i studia z dziejów Tatarów litewsko-polskich i islamu w Polsce w XVII–XX w. Siedlce, 1997. 302 s.
 14. *Konopacki I.* Tatarzy na Białorusi // «Rocznik Tatarów Polskich», Tom IV. Gdańsk 1997. S. 187–193.
 15. *Kričinskis S.* Lietuvių totoriai. Istorinės ir etnografinės monografijos bandymas. Vilnius, Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 279 p.
 16. *Kryczyński L.* Historia meczetu w Wilnie. Próba monografii. Warszawa, 1937.
 17. *Kryczyński L.* Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // «Rocznik Tatarski», 1935, Tom II. S. 57–113.
 18. *Kühnel E.* Die Moschee. Bedeutung, Einrichtung und kunsthistorische Entwicklung der islamischen Kultstätte. Berlin, 1979. 59 p.
 19. *Kulwicka-Kamińska J., Kamiński I.* Islam po polsku. Poznań 2007. 176 p.
 20. *Makaveckas R.* Meczet w Kownie. Zarys historyczny // «Rocznik Tatarów Polskich», Tom VII (2001). S. 91–98.
 21. *Michell G.* Architecture of the Islam World. Its History and Social Meanings, London 1984. 288 p.
 22. *Miśkiewicz A.* Tatarska legenda. Tatarzy polscy 1945 – 1990. Białystok, Krajowa Agencja Wydawnicza, 1993. 132 s.
 23. *Miśkiewicz A.* Tatarzy na ziemiach zachodnich Polski w latach 1945–2005. Gorzów Wielkopolski, 2009. 216 s.
 24. *Norrys H.* Islam in the Baltic. Europe's Early Muslim Community. London – New York, Tauris Academic Studies, 2009. 240 p.
 25. *Richardson Ph.* Neue sakrale Architektur. Kirchen und Synagogen, Tempel und Moscheen, München 2004. 224 p.
 26. *Scharabi M.* Islamische Architektur und darstellende Kunst der Gegenwart // Der Islam in der Gegenwart, München 2005. S. 837–857.
 27. *Serageldin I., Steele J.* Architecture of Contemporary Mosque, London 1996. 177 p.
 28. *Sobczak J.* Położenie prawne tatarskich wyznawców islamu w II Rzeczypospolitej // Przegląd historyczny, 1988, Tom 79, № 3. S. 501–520.
 29. *Tyszkiewicz J.* Tatarzy w Polsce i Europie. Fragmenty dziejów. Pułtusk, Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora, 2008. 264 s.
 30. *Думин С.В., Канапацки И.Б.* Белорускія татары. Минулае і сучаснасць. Мінск, 1993. 204 с.
 31. Першая міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы». Ч. 1–2. Менск, 1994. 191 с.
 32. *Червонная С.М.* Новые мечети российских мусульман // Собрание (Москва, Иллюстрированный журнал по искусству), 2005, № 1. С. 74–81.
 33. *Червонная С.М.* Современное исламское искусство народов России. М.: Прогресс, 2008. 552 с.
 34. *Шукуров Ш.М.* Архитектура современной мечети [Architektura sovremennoj meczeti], Moskwa 2014. 232 с.
 35. *Якубаускас А.* Обнаружен эскиз проекта Вильнюсской мечети // Lietuvos totoriai, Kaunas, 2009, № 1–3. С. 15.
 36. *Romualdas M.* Meczet w Kownie. Zarys historyczny // Rocznik Tatarów Polskich, Tom VII (2001). S. 93–98.

Список иллюстраций

21. Мечеть в г.Каунас.
22. Ковер в мечети г.Каунас.
23. Мечеть в г.Гданск.
24. Минарет мечети г.Гданск.
25. Вид на мечеть в г.Минск.
26. Вид на мечеть в г.Минск.

ДӨНЬЯКУЛӘМ ИСЛАМ ЦИВИЛИЗАЦИЯСЕНЕҢ ҺӘМ ТАТАР МӘДӘНИЯТЕНЕҢ БЕР ӨЛЕШЕ БУЛАРАК ЛИТВА ТАТАРЛАРЫНЫҢ ТАШ САКРАЛЬ ТӨЗЕЛЕШ СӘНГАТЕ

Светлана Михайловна Червонная,

Николай Коперник исемендәге университет (Торунь, Польша),
Польша, 87-100, Торунь ш., Боярского ур., 1 нче йорт,
swetlana@umk.pl.

Хәзерге Литва, Польша һәм Белоруссия территориясендә яшәүче этник һәм дини азчылыкны тәшкил иткән литва татарларының хәзерге сакраль архитектурасының мөһим корпусын һәм сәнгати мирасын чагылдырган агач мәчетләре тикшерүчеләрнең игътибарын күптәннән жәлеп итеп килә һәм Литва татарларына багышланган әдәбиятта, литва татарлары мәдәни истәлекләре язмаларында һәм каталогларында күренекле урын тоталар¹. Шулай да әлеге Көнчыгыш Европа төбәгендәге таш мәчет корылмалары чагыштырмача аз өйрәнелгән. Массакүләм авыл төзөлешеннән аермалы буларак, очраклы аерым эпизодларга гына кайтып кала, мөселман общиналары барлыкка килгән эре шәһәрләрдә туплана (Минск, Каунас, Гданьск, Вильнюс һәм Варшава өчен таш мәчетләр проектлары). Әгәр агач мәчетләр халык ижаты продукты булып торса (халык төзөлеше сәнгате һәм декоратив сәнгать), таш мәчетләрне проектка исә литва татарлары (С.Криницкий) һәм беркайчан да ислам хакимлек итмәгән жирләрдә, халык составы ягыннан күпмилләтле һәм төрле диндә булган Европа шәһәрләрендә, мегаполисларда хәзерге ислам культы төзөлеш сәнгате үсешенә яңа бурычларын хәл итүдә актив эш башкарган ижат әһелләре арасынан чыккан һөнәри архитекторлар эше булып тора, (беренче чиратта, польшалылар). Тарихы XIX гасырлардан башланган сакраль архитектура, литва татарларының авыл агач культ төзөлеш сәнгате кебек борынгы тарихи традицияләргә ия түгел, шуңа күрә XX һәм XXI гасыр архитектурасы алдына килеп баскан күп төрле проблемалар: яңа төзөлеш технологияләрен үзләштерү, урбанистик тирәлектә объектлар урнаштыру, билгеле бер стиль концепциясе нигезендә модельләр формалаштыру (стилилизатор яисә яңачалык) белән бәрелешә. 1930 нчы елларда Каунаста төзелгән мәчет, яисә Гданскида 1990 нчы еллар башына төзелеп беткән мәчет Көнчыгыш Европа мәдәни ландшафтында мөселман таш төзөлеш сәнгате үсешенә өчен уңышлы жирлек булуын дәлиллик.

Төп төшенчәләр: Европада ислам, литва татарлары мәдәнияте, хәзерге мөселман төзөлеш сәнгате, Польша, Литва, Белоруссиядә таш мәчетләр.

Иллюстрацияләр исемлеге

21. Каунас мәчете.
22. Каунас мәчетендәге келәм.
23. Гданск шәһәре мәчете.

24. Гданск мәчете манарасы.
25. Минск шәһәре мәчете күренеше.
26. Минск шәһәре мәчете күренеше.

¹ Мәкаләгә иллюстрацияне төсле кушымтадан кара – С.Ч.